

Системные противоречия и перспективы формирования «Суннитского НАТО»

Комментарий Центра АРВАК, 07.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует комплекс факторов, детерминирующих процесс создания нового военно-политического альянса с участием Турции, Пакистана, Саудовской Аравии и Египта. Автор исследует объективные предпосылки формирования «Суннитского НАТО», вызванные деградацией прежней архитектуры безопасности после иранской кампании 2025 года. Подробно рассматриваются 5 уровней критических препятствий на пути к реальной интеграции: многоуровневая зависимость участников от глобальных полюсов силы (США и КНР), отсутствие стратегической пространственной монолитности, несовместимость оборонных систем, диссонанс политических режимов и острый дефицит времени. Делается вывод о том, что, несмотря на внушительный совокупный потенциал, проект рискует остаться декларативным конструктом, уязвимым перед внешним воздействием.

Ключевые слова: *геополитика, Передняя Азия, «Суннитское НАТО», Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Египет, региональная безопасность, стратегическая пространственная монолитность, иранский кризис, США, КНР.*

Геополитическая детерминация нового альянса

В своей предыдущей [публикации](#) Центр АРВАК рассмотрел причины и мотивы, побудившие Турцию, Пакистан, Саудовскую Аравию (КСА) и присоединившийся к ним позже Египет инициировать переговоры по вопросу создания нового военно-политического альянса исламских стран. В своем начинании указанные государства руководствуются как стремлением повысить уровень своей обороноспособности в свете сложных взаимоотношений с соседями, так и назревшей необходимостью сохранить баланс безопасности в стратегически важной зоне от Ближнего Востока и Магриба до Восточной Азии. Данный баланс подвергается эрозии вследствие кризиса НАТО и признаков перестройки внешнеполитической доктрины сдерживания США.

Процесс обсуждения параметров формирования так называемого «Азиатского», или «Суннитского НАТО» (участие Египта делает последний термин более точным), получил мощный импульс после эскалации конфликта вокруг Ирана в июле 2025 года. Каким бы ни оказался финал американо-израильской кампании, кардинальный пересмотр статуса ИРИ в региональной архитектуре вынуждает Турцию, Пакистан, КСА и Каир к выработке механизмов коллективного взаимодействия. Создаваемая система призвана стать универсальным инструментом сдерживания: она должна эффективно минимизировать риски в случае дезинтеграции шиитского блока при его поражении и одновременно с этим ограничить влияние и ядерный потенциал Тегерана, если тот сумеет сохранить субъектность и закрепиться в роли доминирующего регионального игрока.

Таким образом, предпосылки, стимулирующие упомянутые государства к обсуждению параметров данного коалиционного формата, представляются вполне очевидными и продиктованы логикой объективных процессов. Прогрессирующая эрозия традиционной архитектуры безопасности в Передней Азии и на глобальном уровне вынуждает четыре ключевые державы к поиску механизмов формирования наднациональной многоуровневой системы стратегического сдерживания. Данный проект предполагает не только военную координацию, но и установление коллективного контроля над

экономическим потенциалом, ресурсной базой и ключевыми торгово-энергетическими артериями в зоне ответственности будущего альянса.

Потенциал и реальность: поверхностный взгляд vs глубинный анализ

На первый взгляд, комплементарность внешнеполитических подходов и развитая сеть двусторонних партнерств создают благоприятный фон для институционализации данного объединения. Конфессиональная идентичность, сохраняющая роль фундаментального мобилизационного ресурса в исламском мире, выступает дополнительным цементирующим фактором. Формируемый альянс, охватывающий демографический массив в 1,5 млрд человек и располагающий совокупным военным кулаком из 1,5 млн регулярных «штыков» и 2-миллионного резерва, теоретически сопоставим по конвенциональной мощи с ведущими глобальными акторами — США, КНР и Россией. При условии консолидированной проекции этой силы проект способен трансформироваться в самостоятельный полюс влияния, сопоставимый с НАТО по масштабу воздействия на международную архитектуру безопасности. Однако углубленный анализ демонстрирует структурную обусловленность целого ряда деструктивных факторов. Наличие глубоких внутренних противоречий и структурных препятствий ставит под вопрос саму возможность достижения того уровня военно-политической интеграции, который декларируется инициаторами процесса в публичном пространстве.

Более глубокий анализ выявляет наличие разветвленной системы структурных противоречий, среди которых необходимо выделить фундаментальные факторы, способные девальвировать потенциал «Суннитского НАТО» и поставить под вопрос жизнеспособность данной инициативы.

1. Многоуровневая зависимость от глобальных полюсов силы

Одним из главных препятствий для формирования «Суннитского альянса» в качестве самостоятельной и самодостаточной организации является многоуровневая зависимость его инициаторов от разных геополитических полюсов силы, представляющих будущее мироустройство и баланс безопасности в диаметрально противоположной логике. Турция, Саудовская Аравия и Египет находятся в тесной привязке к американскому вектору силы.

- Базовые компоненты военного потенциала Турции находятся в прямой зависимости от США как в контексте двустороннего сотрудничества, так и в парадигме взаимодействия натовского альянса. Несмотря на стремление Анкары к диверсификации оборонных закупок (включая резонансный контракт 2017 года на поставку российских систем С-400 «Триумф»), турецкие вооруженные силы остаются глубоко интегрированными в технологическую экосистему НАТО. Критическая зависимость от американских технологий проявилась в исключении Турции из программы производства истребителей пятого поколения F-35 и задержках в поставках модернизированных F-16 Block 70, что вынудило турецкое руководство пересмотреть свою политику маневрирования. Данная технологическая привязка ограничивает свободу действий Анкары в рамках формирования новых наднациональных структур, таких как «Суннитское НАТО»,

делая ее военную мощь чувствительной к санкционному давлению и политическим решениям Вашингтона.

- Саудовская Аравия, помимо глубокой военно-технической аффилированности с Западом, демонстрирует критическую степень зависимости от финансово-экономической конъюнктуры США и ЕС. Аккумуляция суверенных активов КСА в западных инвестиционных проектах, банковских инструментах и гособлигациях США создает для Вашингтона рычаги стратегического влияния на Эр-Рияд. В случае институционализации альянса данный фактор позволит американской стороне эффективно модерировать деятельность блока, обеспечивая превалирование собственных геополитических интересов внутри новой структуры.
- Египет также подвержен значительному американскому влиянию. Вашингтон остается главным донором Каира в вопросах финансовой поддержки его ВС и поставок вооружения. Данная зависимость усугубляется тем, что значительная часть инфраструктурных проектов Египта, включая строительство новой административной столицы, финансируется за счет внешних заимствований, в том числе от КНР, что создает ситуацию «двойной зависимости». В контексте формирования нового альянса это делает Каир уязвимым к внешнему давлению, ограничивая его автономию в принятии стратегических оборонных решений. Более того, внутренние социально-политические вызовы, такие как давление со стороны исламистских сил и проблемы обеспечения безопасности религиозных меньшинств, вынуждают правительство страны искать дополнительные гарантии стабильности через внешние военно-политические союзы. Однако статус Египта как одного из крупнейших бенефициаров американской военной помощи в регионе (ежегодно исчисляемой миллиардами долларов) предопределяет роль Вашингтона как негласного модератора участия Каира в любых наднациональных структурах.
- Пакистан на протяжении последних двадцати лет последовательно минимизировал американское влияние, переориентировав свою стратегическую линию на тесное партнерство с Пекином. Исламабад нивелировал последствия охлаждения отношений с Вашингтоном через углубленную военно-техническую кооперацию с КНР, базирующуюся на трансфере передовых китайских технологий, а также за счет привлечения колоссальных инвестиций в энергетику, логистику и сырьевой сектор национальной экономики. На современном этапе Пакистан демонстрирует критическую и прогрессирующую аффилированность с Китаем, что обусловлено эскалацией многолетнего противостояния с Индией и общей дестабилизацией ситуации в центральноазиатском регионе.

Кроме того, Пекин обладает существенными рычагами влияния на Эр-Рияд, достаточными для того, чтобы его позиция учитывалась в контексте формирования и деятельности блока. С учетом этого не вызывает сомнений то обстоятельство, что США и КНР – два наиболее влиятельных и находящихся в жестком соперничестве глобальных полюса силы – перенесут свою борьбу на площадку будущего альянса с целью либо установления контроля над ним, либо торпедирования формата в случае его несоответствия их представлениям об архитектуре безопасности в Евразии.

2. Отсутствие стратегической пространственной монолитности

Существенным барьером, снижающим шансы на создание монолитной структуры с действенным инструментарием реализации стратегических задач, выступает территориальная разобщенность государств-инициаторов. Поверхностный взгляд на дислокацию потенциальных членов союза может создать иллюзию благоприятной конъюнктуры для выстраивания коллективной обороны и обеспечения геоэкономической гегемонии. Подразумевается установление контроля над обширным ареалом, аккумулирующим колоссальные энергетические ресурсы – более 60% глобальных нефтяных запасов и до 55% газа, а также пересечение магистральных логистических путей, обслуживающих половину международного грузооборота. Данная акватория и суша включают Персидский залив, Красное море, регион Африканского рога, а также Восточное Средиземноморье, Балканы и Черноморско-Каспийский узел, доминирование в которых теоретически превращает будущий альянс в ключевого арбитра на стыке трех континентов.

Тем не менее критическим фактором, нивелирующим функциональность «Суннитского альянса», выступает проблема обеспечения оперативного военного взаимодействия в условиях отсутствия общих сухопутных рубежей. Любая форма физической коммуникации между участниками союза априори осложнена наличием зон перманентной дестабилизации и присутствием враждебных региональных акторов. В данной парадигме уместно обратиться к историческому опыту НАТО, чей многолетний успех был обусловлен именно пространственным континуумом европейского и североамериканского сегментов при условии безраздельного доминирования в Атлантике. В проекции же «Суннитского блока» дефицит стратегической пространственной монолитности становится непреодолимым барьером для выстраивания эффективной логистической архитектуры и оперативной переброски сил поддержки в кризисных ситуациях.

Фундаментальным императивом для достижения глубокой военно-политической консолидации выступает стратегическая пространственная монолитность, обеспечивающая способность акторов к беспрепятственной физической коммуникации. В данной связи можно предположить, что текущий формат 4-х держав рассматривается инициаторами как первичный каркас расширенной архитектуры. Вероятно, на последующих этапах стороны планируют нивелировать фактор территориальной разобщенности путем включения в орбиту влияния малых государств, обладающих критической геополитической значимостью. В частности, речь может идти о вовлечении таких стран, как Сирия, Сомали или Азербайджан, который, несмотря на шиитскую конфессиональную принадлежность, демонстрирует устойчивую аффилированность с суннитским вектором развития исламского мира.

В данной парадигме критического осмысления требует вопрос о характере сопряжения инициативы «Суннитского НАТО» с долгосрочной стратегией Анкары по выстраиванию оборонной интеграции на этническом фундаменте, известной как проект «*Тюркского НАТО*». Учитывая, что гипотетический суннитский альянс позиционируется как наднациональный конструктор, игнорирующий этнические детерминанты, возникает

закономерный вопрос: склонно ли турецкое руководство к объединению этих двух векторов в единую структуру, или же они рассматриваются как два параллельных, непересекающихся геополитических проекта? В случае, если Анкара тяготеет к их синтезу, это может свидетельствовать о планах по дальнейшей эскалации интеграционных процессов вплоть до реализации амбициозной концепции общеисламской конфедерации «Асрика». Напомним, что данная модель была озвучена аналитическими центрами, аффилированными с турецким политическим истеблишментом, в частности организацией *ASSAM* и связанной с ней структурой *SADAT*, функционирующей в формате частной военной компании (ЧВК).

В то время как концепция «Тюркского НАТО» ориентирована на консолидацию военного потенциала Турции, Азербайджана, Северного Кипра и четырех центральноазиатских республик, амбициозная доктрина «Асрика» претендует на формирование глобальной конфедеративной архитектуры, охватывающей все мусульманское пространство. Данная модель предусматривает институционализацию 9-и региональных союзов, распределенных по ключевым географическим узлам планеты. Примечательно, что в экспертной парадигме *ASSAM* один из этих сегментов, включающий Турцию, выделяется в качестве уникального исключения: его проектирование базируется не на территориальной близости, а на императиве этнической гомогенности, фактически дублируя контуры тюркской интеграционной оси – «Тюркского НАТО» – от Европы до глубин Центральной Азии.

Как можно заключить из этого, Анкара не собирается отказываться от программы этнического военно-политического союза, и «Тюркское НАТО» остается ее приоритетом. Следовательно, формат «Суннитского НАТО», по которому ведутся консультации, во многом противоречит давно принятой доктрине этнической тюркской интеграции. Синтез данных геополитических конструкторов представляется затруднительным ввиду обоснованных опасений арабского сегмента относительно потенциальной доминанции тюркского фактора в рамках единого союза. Вследствие этого турецкое руководство, по всей вероятности, будет придерживаться тактики параллельного проектирования обоих форматов, делегируя задачу их возможного объединения под эгидой Анкары в плоскость долгосрочного стратегического планирования.

Согласно экспертным прогнозам, в рамках текущих консультаций по линии Эр-Рияда и Каира артикулируется возможность включения в структуру формируемого альянса второстепенных региональных акторов Ближнего Востока и Африки. Данный шаг рассматривается как попытка нивелировать дефицит стратегической пространственной монолитности и придать гипотетическому блоку необходимую массу. Тем не менее реализация подобного сценария представляется маловероятной без синхронизации позиций с Анкарой и Исламабадом, которые традиционно скептически относятся к идее инкорпорации государств, являющихся сугубо потребителями безопасности. Даже при достижении формального консенсуса процесс неизбежно столкнется с лоббированием сторонами интересов собственных стран-сателлитов, что в условиях структурной неустойчивости фундамента объединения и груза накопленных противоречий лишь уменьшит перспективы расширения. В то время как доктрина «Асрика» остается в плоскости политической утопии, проект «Суннитского НАТО»

рискует повторить ее судьбу, оказавшись в тисках противодействия со стороны таких глобальных и региональных игроков, как Вашингтон, Пекин, Тегеран и Тель-Авив.

3. Несовместимость оборонных механизмов и систем вооружения

Одним из наиболее проблематичных факторов, препятствующих созданию монолитного и высокоэффективного военно-политического блока, является несовместимость и эклектичность принципов армейского строительства, оборонных механизмов и систем вооружения стран формата.

- **ВС Турции** выстроены по критериям Североатлантического альянса и придерживаются стандартов НАТО как в области военно-технического оснащения, так и в плане устава, учебной подготовки и методов ведения боя.
- **Египетские ВС** совмещают опыт армейского строительства как стран Запада, так и СССР, располагая при этом арсеналами вооружения старого советского, китайского и натовского производства.
- **ВС КСА** обладают наиболее продвинутыми в технологическом плане образцами вооружения западного (в основном американского) производства, однако в силу ряда объективных и субъективных причин не отличаются высокой боеспособностью, о чем свидетельствует негативный опыт войны с йеменскими хуситами.
- **ВС Пакистана** сформировали собственные критерии военного развития, базируясь преимущественно на уникальном практическом опыте, полученном в ходе многолетнего конфликта с Индией. Однако по части военно-технического оснащения Исламабад пытается совместить эксплуатацию как сравнительно старых образцов техники натовского производства, так и новейших китайских разработок. При этом национальный ВПК, демонстрирующий устойчивую динамику развития, остается глубоко аффилированным с оборонно-промышленным комплексом КНР через механизмы тесной производственной и технологической кооперации.

У вооруженных сил всех названных стран разный уровень боевого опыта, военных традиций, а также наблюдается диспропорция соотношения старых и новейших образцов военной техники, приобретенных у разных стран. Перспектива единой стандартизации всех этих параметров крайне туманна, поскольку требует политической воли и значительных финансовых затрат, на что стороны едва ли готовы пойти в нынешних обстоятельствах. На данном этапе некоторые из них пытаются посредством двусторонних военных учений выработать методiku взаимодействия армий (в апреле состоялись масштабные саудовско-пакистанские и египетско-пакистанские военные игры) и совместного решения боевых задач. Однако это главным образом следует считать политическими акциями с недостаточной практической пользой для военной компоненты гипотетического оборонного союза. Армии стран «Суннитского НАТО» представляют собой диссонирующую мозаику сил и средств, собрать из которой слитный, гармоничный и высокоэффективный механизм коллективной обороны представляется сложной задачей.

4. Разнородность политических систем и ценностный диссонанс

Не меньше вопросов вызывает разнородность политических систем стран, стремящихся создать «Суннитское НАТО».

- **Турция** формально декларирует приверженность демократическим институтам, однако за этим фасадом скрывается дрейф политического истеблишмента в сторону радикального национализма и стратегии экспансионистского исторического ревизионизма.
- **Египет** функционирует в парадигме превалирующего влияния военного сословия при подчеркнуто светском характере власти, что, тем не менее, не нивелирует глубокого укоренения исламистских воззрений в широких слоях населения.
- **Пакистан**, транслируя имидж парламентской республики, на деле демонстрирует жесткую подотчетность гражданской администрации армейскому руководству, в то время как социум остается в значительной степени детерминирован нормами шариатского права.
- **Саудовская Аравия** сохраняет статус консервативной абсолютистской теократии, где наметившиеся тенденции к ограниченной секуляризации государственного аппарата лишь начинают сталкиваться с инерцией многовековых религиозно-политических традиций.

Разнородность политических режимов и ценностный диссонанс выступают значимыми барьерами, осложняющими синхронизацию стратегических установок правящих элит и подготовку обществ к функционированию в рамках общей архитектуры безопасности. Формирование единого оборонного контура требует нивелирования глубоких этнических, ментальных и историко-политических противоречий, существующих внутри проектируемого альянса. В данной парадигме уместно апеллировать к опыту НАТО, чья функциональная жизнеспособность была обусловлена существованием *«гомогенного пространства западной демократии»* и единством базовых социокультурных идентификаторов. В этой системе координат Турция представляла собой специфическое исключение: учитывая критическую геополитическую значимость и военную мощь Анкары, руководство Североатлантического блока адаптировалось к специфике турецкой модели, сочетавшей формальные демократические процедуры с доктриной кемализма и превалирующим влиянием генералитета.

Следовательно, проект «Суннитского НАТО» характеризуется отсутствием системной гомогенности политических институтов. Данный фактор, при поверхностном рассмотрении кажущийся малозначимым, в действительности выступает фундаментальным барьером, препятствующим достижению подлинной монолитности и операционной эффективности проектируемого военно-политического альянса.

5. Дефицит времени и авральный характер проектирования

В качестве финального тезиса необходимо акцентировать внимание на том, что наиболее существенным препятствием, подрывающим потенциал формирования полноценной структуры с участием ключевых суннитских держав, является критическая нехватка временного ресурса. Следует подчеркнуть, что данный барьер девальвирует перспективы институционализации подлинно интегрированного объединения ведущих суннитских акторов. Участники процесса вынуждены проектировать альянс в авральном ритме, продиктованном необходимостью

достижения стратегического консенсуса, синхронизации доктринальных подходов и устранения глубоких технико-технологических противоречий. Стремительная эрозия прежней архитектуры региональной безопасности в сочетании с непредсказуемой динамикой иранского кризиса лишает инициаторов возможности планомерного и поэтапного выстраивания коалиционных механизмов. Представляется очевидным, что недавние антииранские кампании, выступив катализатором стремления суннитского мира к созданию автономной системы коллективного сдерживания, одновременно в предельно сжатые сроки обнажают системные противоречия. Данные факторы препятствуют формированию жизнеспособной геополитической конструкции, способной обеспечить реальную интеграцию государств, разделенных глубокими географическими, геостратегическими и ментально-идеологическими барьерами.

Резюме

Подводя итог, следует отметить, что в ближайшее время страны-инициаторы вполне могут официально объявить о создании оборонительного союза и заложить его нормативную базу. Однако такая ускоренная формализация вряд ли будет отвечать реальной ситуации в регионе, определяемой обострением отношений с Ираном и исходом масштабного опосредованного противостояния между Вашингтоном и Пекином в Передней Азии. Идея превращения ведущих суннитских государств в независимый центр силы является амбициозной задачей мирового уровня, однако ее практическая реализация и устойчивость перед лицом системных кризисов вызывают серьезные сомнения.